

УДК 327:316.32

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Халанский

Рассматриваются теоретические аспекты регионализма и региональной интеграции в современной политической науке.

Ключевые слова: интеграция; регионализм; глобализация.

THEORETICAL ASPECTS OF REGIONAL INTEGRATION IN THE GLOBALIZATION PROCESS

I. V. Khalanskey

The article is devoted to the theoretical aspects of regionalism and regional integration in modern political science.

Key words: integration; regionalism; globalization.

В современной политической науке прослеживается актуальность исследований, посвященных осмыслению теоретических и практических аспектов глобальной и региональной политики, изучению структуры, функций, целей и задач тех или иных региональных организаций. Особое значение принцип взаимодействия приобретает в наше время, в условиях, когда развитие современного мира характеризуется глубокими переменами, происходящими под воздействием процессов глобализации и оказывающими влияние на все государства мира, независимо от того, в какой части света и на каком континенте они находятся. Глобализация способствует развитию политики государств, направленной на формирование мировой экономической и политической интеграции. Перед странами мира все более актуальной становится задача придания основным тенденциям мирового развития регулируемого и более предсказуемого характера за счет перехода на взаимовыгодные механизмы управления процессами развития [1]. Глобализация способствует выходу национальных субъектов за национально-государственные рамки, порождает процесс координации национальной политической, экономической и финансовой политики [2], проникновению одних национальных экономик, услуг и товаров в другие [3].

Проблема определения региона, регионализма и региональной интеграции возникла в литературе в конце 60-х – начале 70-х гг. Карл Дойч сводит понятие региона к группе стран, взаимозависимых по целому ряду направлений, в первую очередь, эко-

номических потоков и высокому уровню коммуникативной ответственности.

Томпсон, обобщив работы исследователей, в своем определении выделяет три основных черты, характеризующие это понятие: общая географическая близость, частота и интенсивность взаимодействия, оценки региональной подсистемы как особым способом взаимодействия.

Бьерн Хеттне в своей концепции регионности выделяет пять степеней региональной комплексности: 1) регион как географическая и экологическая единица, ограниченная естественными границами; 2) регион как социальная система, предполагающая транслокальные отношения социального, политического, культурного и экономического характера; 3) регион как организованное сотрудничество в культурной, экономической, политической и военных областях, предполагающее создание и деятельность, по крайней мере, формальной организации; 4) регион как региональное гражданское общество, как следствие процессов социальной коммуникации и конвергенции ценностей в рамках региона в целом; 5) регион как историческое образование с особой идентичностью и определенным уровнем легитимности его участников [4].

Модель региона, предложенная М.А. Мунтяном, содержит три уровня становления и развития международных регионов. К первому уровню он относит географический, социально-психологический, культурологический факторы, ко второму – экономический фактор и к третьей группе факто-

ров – политические. По его мнению, незрелость или отсутствие первой группы факторов серьезным образом тормозит систему региональных отношений, отсутствие же второй или третьей приводит к ее разрушению [5].

В научной литературе обращается внимание на разграничение понятий “регионализм” и “регионализация”. Следует отметить, что пока это разграничение еще далеко от завершения. Тем не менее, обобщая имеющиеся в литературе оценки, можно сказать, что регионализм – это государственная интеграционная политика, процесс интеграции “сверху”, а регионализация – это процесс возникновения структур, возникающих в рамках гражданского общества, формирующихся в условиях географической, социальной и культурной близости, т. е. процесс интеграции “снизу”.

Вместе с тем широко распространено определение регионализма как взаимозависимости стран и выхода интересов хозяйствующих субъектов за национальные границы, но не дальше региональных рамок, образуемых большей или меньшей группой государств, входящих в межнациональные блоки, которые могут быть открытыми и закрытыми.

Регионализм характеризуется такими категориями, как: социальная сплоченность этнических, расовых групп, проживающих совместно; экономическая взаимодополняемость хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории; совместимость обществ ценностей, связанных с культурой, религией; политическая солидарность.

В понятии регионализма присутствует проблема “старого” и “нового” регионализма. Под “старым” регионализмом понимается изучение и оценка региональных процессов, осуществлявшихся в условиях “холодной войны”, биполярного мирового порядка и формировавшихся сверху. “Новый” регионализм формируется в условиях второй волны регионализма, начавшейся в 80-е гг. прошлого века. Он характеризуется более высоким уровнем экономической взаимозависимости, политического участия, культурной и коммуникативной гомогенности, стремлением к формированию наивысшей степени региональной интеграции – региональной идентичности [4].

По сути антиномия “старый” и “новый” регионализм отражает возникновение новых тенденций в развитии мировых интеграционных процессов, наблюдаемых в последние десятилетия. Старый регионализм развивал, главным образом, сотрудничество в экономической сфере, носил строго протекционистский характер и значительно ограничивал контакты с нечленами региональных группировок. Регионализм подобного рода, таким

образом, противодействовал процессам глобализации и ставил своей целью защиту данного региона от ее негативных последствий. Старый регионализм был характерен для стран Азиатско-Тихоокеанского региона в 60–70-е гг. прошлого века. Новый регионализм отличается широтой отношений, охватывая, кроме экономических, все их многообразие. Он основывается не на формировании внутренних, замкнутых объединений, а на развитии сотрудничества между регионами.

Исследователи отмечают, что зарождение и развитие нового регионализма произошло на волне резкого роста интенсивности формирования региональных экономических группировок, пришедшегося на 90-е гг. прошлого века. Так, половина из более 150 региональных соглашений, заключенных за последние 50 лет, пришлось именно на 90-е гг. В это время начали функционировать практически все крупнейшие региональные объединения мира – в частности Андский общий рынок (1990 г.), МЕРКОСУР (1992 г.), АСЕАН (1992 г.), Организация азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (1993 г.), НАФТА (1994 г.).

Для новых региональных объединений характерным моментом явилось то, что базовые принципы их формирования радикально отличались от доминировавших прежде, а сам процесс формирования региональных экономических группировок в этот период стал существенно отличающимся от процессов региональной интеграции в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны.

В геоэкономической литературе отмечают, по крайней мере, четыре их отличия. Во-первых, основным принципом формирования региональных объединений стали экономические, а не политические требования.

Во-вторых, в новых региональных группировках резко ограничена централизация принятия ключевых политических решений, необходимость иерархических институциональных структур, решения которых были обязательны для всех их членов.

В-третьих, группировки нового регионализма отличаются более либеральным экономическим режимом и избегают в своей деятельности политики жесткого протекционизма. Это, в частности, нашло выражение в том, что большинство подобных группировок декларировали в качестве целей своей деятельности создание зон свободной торговли. При этом допускалось участие в них государств с разным уровнем экономического развития, что отражало тенденцию перехода от импортозамещающей к экспортоориентированной стратегии развития и как следствие их деятельность в условиях либерального торгового режима.

В-четвертых, изменились вопросы, регулируемые в рамках региональных объединений. Если раньше доминировали вопросы внутренних и внешних барьеров на пути движения товаров и факторов производства, то на нынешнем этапе встали вопросы регулирования хозяйственных процессов непосредственно в рамках национальных экономик, что значительно углубило уровень региональной координации экономической политики [6].

Иностранные исследователи, в частности Бьорн Хеттне, попытались обобщить отличия нового регионализма от регионализма старого. Старый регионализм существовал в условиях биполярности; формировался “сверху”, под контролем двух конкурирующих сверхдержав; носил протекционистский характер; ориентировался на решение экономических проблем либо проблем безопасности; включал в себя исключительно отношения между суверенными государствами. Новый регионализм развивается как современная версия многополярности, формируется “снизу”, т. е. процесс современной регионализации содержит элементы автономии его акторов, стремится к реализации идей “открытого регионализма”. Он более многогранен, включает в себя торгово-финансовые, социально-политические и иные измерения, предполагает участие негосударственных и субнациональных акторов.

Фред Бергстен предложил определять “открытый регионализм” по пяти критериям: 1) открытое членство региональных коалиций; 2) безусловный режим наибольшего благоприятствования; 3) условный режим наибольшего благоприятствования; 4) глобальная либерализация; 5) содействие торговле.

Возникновение нового регионализма в значительной степени углубило теории регионализма по вопросам сущности механизмов формирования региональных объединений, их структуры и поэтапного развития. В этом плане мировой опыт развития интеграционных группировок подверг сомнению обязательность классической пятиступенчатой схемы региональной интеграции, разработанной в свое время Б. Балассой [7] и получившей широкое распространение. Она, как известно, строилась на принципах последовательного развития и углубления интеграции, когда каждая предшествующая ступень играла роль логической предпосылки последующей, а в качестве конечной цели интеграции обозначалось политическое объединение. Практика мировых интеграционных процессов показала, что все новые интеграционные группировки ограничивались деятельностью в рамках первой ступени – свободной торговли – либо движением к таможенному союзу.

Старые представления строились на основе европейского опыта и, как показала практика, являются скорее исключением, чем обязательным условием нынешнего этапа интеграции. Тем не менее, в фундаментальном исследовании европейскому опыту уделяется значительное внимание, поскольку большая часть стран постсоветского пространства ориентируется в своих интеграционных планах именно на европейский опыт. В этом отношении государства Центральной Азии не стали исключением.

Не менее важное место в фундаментальном исследовании отводится понятию “интеграция”. Следует отметить, что в специальной литературе, посвященной данному явлению, представлено немало его определений, причем в научной литературе практически отсутствуют одинаковые дефиниции интеграции. Это, очевидно, объясняется существованием множества моделей и типов интеграционных процессов, зачастую значительно различающихся по целям и функциям. Кроме того, на их определение и конкретное содержание сильное влияние оказывают различия национальных интересов, преследуемых отдельными государствами или группами государств. Эти различия возникают как на объективной, так и на субъективной основе, отражая зачастую не только процессы, не зависящие от воли и желания отдельных личностей, но и субъективные цели и устремления отдельных правящих групп и режимов. Многообразие оценок и подходов с особенной остротой проявилось в практике создания и деятельности интеграционных образований во второй половине XX в., обнажившее значительные расхождения и различия в целях, политических и экономических устремлениях среди их участников, что существенно усложняло выработку общего определения понятия “интеграция”. Выработку понятия интеграции затрудняет и то, что интеграционные процессы не находятся в статичном состоянии, они постоянно совершенствуются, развиваются, изменяются и вносят много нового не только в само понятие интеграции, но и в содержание международных отношений.

В политическом плане понятие “интеграция” появилось в 20-х гг. XX в. В научный оборот его ввели немецкие ученые Р. Шмед, Х. Кельзен и Д. Шиндлер. Сам термин “интеграция” тогда понимался как некая целостность, структура, совершенствование и, как правило, сравнительно широко применялся в естественных науках. Немецкие исследователи перенесли его в сферу общественных отношений и понимали под ним объединение людей либо государств в некую социально-политическую общность [8]. Понятие “политическая интеграция”

вошло в научный оборот в конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века. Если обобщить понятие политической интеграции, то можно сказать, что это сплочение, слияние общественных, государственных структур в рамках государства или в более широкую межгосударственную общность.

В экономическую терминологию понятие “интеграция” вошло сравнительно недавно. Так, американский экономист Ф. Махлул, стремясь проследить ретроспективу данного термина, выяснил, что в международных экономических отношениях он стал использоваться не ранее 1942 г. [9]

Значительный вклад в определение понятия “интеграция” внесли представители различных зарубежных научных школ. К числу наиболее распространенных в научной литературе относится классическое определение Э. Хаасома [10]: интеграция – “процесс, посредством которого лояльные политические акторы нескольких национальных образований смещаются в сторону нового наднационального центра принятия решений, который становится центром политической активности. Конечным результатом процесса политической интеграции является новое политическое сообщество” [11]. М. Ходжес определяет интеграцию как “формирование новой политической системы из существовавших до этого разделенных систем”. К. Дойч сущность интеграции видел в “создании общества безопасности между государствами региона”. По У. Уолласу, интеграция – это “создание и поддержание интенсивных разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями” [11]. В целом, исследователи, в частности Б. Розамонд, отмечают существование множества оригинальных определений, которые в то же время являются в значительной степени расплывчатыми.

В связи с этим в современной научной литературе существуют различные подходы и оценки к пониманию природы и роли интеграционных процессов. Во многом они связаны с принадлежностью их авторов к основным теоретическим направлениям, сложившимся в настоящее время по проблемам интеграции. Так, представитель американской школы функционализма Д. Митрани считает, что интеграция различных уровней действует в мировых империях, блоках и международных организациях. При этом во всех ее типах и моделях должны доминировать три признака: 1) наличие действенного контроля над легитимным использованием власти; 2) наличие общего органа принятия решений и 3) наличие центра политического просвещения входящих в данное сообщество граждан [8].

Сторонники школы федерализма в Европе занимают более универсальные позиции и более

объективно оценивают плюсы и минусы интеграции. К числу важнейших ее признаков они относят сознательные политические решения правительств и народов, создание совокупности наднациональных органов, независимых от влияния отдельных государств, которым переданы определенные полномочия для принятия решений [8].

В целом, рассмотренные выше аспекты понимания содержания интеграционных процессов подводят к выводу, что они играют важнейшее значение в формировании базисных основ постиндустриального общества и являются главным и определяющим направлением в социально-экономической и культурно-политической эволюции современного глобализированного мира.

Литература

1. *Кессиди Ф.Х.* Глобализация и культурная идентичность / Ф.Х. Кессиди // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 98.
2. *Иванов С.Г.* Влияние глобализационных процессов на развитие Кыргызской Республики / С.Г. Иванов. Бишкек, 2006. С. 11–22.
3. *Шведков Ю.А.* Противоречия глобализации / Ю.А. Шведков // США: экономика, политика, культура. 2000. № 1. С. 61.
4. *Попович А.* Интеграция: теоретические аспекты / А. Попович. URL: <http://www.fmp-gugn.narod.ru/pop2.html>
5. *Мунтян М.А.* Интернационализация, интеграция и регионализация мира (постановка проблемы) / М.А. Мунтян // Проблемы глобальных и региональных процессов. М., 1996. С. 125.
6. *Севастьянов С.В.* Новый регионализм Восточной Азии: теоретические и практические аспекты / С.В. Севастьянов // Полис. 2009. № 4. С. 79.
7. См.: *Balassa B.* The Theory of Economic Integration / В. Balassa. L.: Allen and Unwin, 1962.
8. *Овчаренко Н.Е.* Модели современных интеграционных процессов / Н.Е. Овчаренко. URL: <http://www.xserver.ru/user/msipr/>
9. *Искандаров А.* Классические теории европейской политической интеграции и возможность их использования в интеграционных процессах в регионе Центральной Азии / А. Искандаров. URL: <http://www.analitica.org/article.php?story=20070214034846525>
10. *Haas E.* The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957. 2-nd. ed. / E. Haas. Stanford, CA: Stanford University Press, 1963.
11. *Бугров П.В.* Интеграция в теории международных отношений: обзор современных подходов / П.В. Бугров. URL: <http://www.iium.ru/ms/fmo/Archive/books/posobiy/Integrationtheoriesrevision.doc>